

СЕРИЯ «ДЕТЕКТИВ*КА»

18+

ОБИТЕЛЬ

МАКСИМ СОНИН

ДЕТЕКТИВ*КА

Максим Сонин

Обитель

«Popcorn books»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Сонин М. К.

Обитель / М. К. Сонин — «Popcorn books»,
2022 — (ДЕТЕКТИВ*КА)

ISBN 978-5-6047190-4-6

«Обитель» – заключительная часть детективной трилогии Максима Сонины о шестнадцатилетней детективке Мишке Мироновой. След тайной Обители тянется из Петербурга на север, в город Петрозаводск, вот только Мишка не знает, что на этот раз ей предстоит столкнуться не только с опасным убийцей, но и с целой системой, способной скрыть любое преступление и спрятать любого преступника.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6047190-4-6

© Сонин М. К., 2022
© Popcorn books, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Сонин

Обитель

Пролог

Высокопреосвященнейший владыка, митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии Иосиф опустил на стол тяжелую книгу, открыл на длинной алой закладке. Провел пальцем по ровным красивым строчкам, нашел нужную, пробормотал под нос: Хэ-Вэ-Девять-Девять-А-Эс-Четыре-Два-Восемь-Бэ-Пять-Три-Гэ-А-маленькая-Вэ-маленькая-Один.

Левую руку, тучную, вздутую, переложил к клавиатуре настольного компьютера, снова пробормотал пароль, стал набирать указательным пальцем. Клик-клик-клик. Экран компьютера высветил окошко беседы с братом. Там было пусто – брат не писал уже третий день.

Митрополит тяжело вздохнул, сдвинул руку с клавиатуры, потом медленно, правой рукой упираясь в стол, поднялся. Снова опустил взгляд на раскрытую книгу, нашел строчку из одних цифр: Два-Два-Два-Ноль-Три-Два-Ноль-Семь-Три-Пять-Три-Один.

Книгу до сейфа донести было нельзя, поэтому закрыл глаза, пошевелил губами, повторяя цифры. Обошел, опираясь, стол, покрутил ручку сейфа. Сейф со щелчком открылся, и митрополит сунул туда руку, пошарил по стопкам запечатанных бумажных прямоугольников, нашел открытый, вытащил на свет. В прямоугольнике были оранжевые пяти тысячные купюры – митрополит достал две, свернул, бросил прямоугольник обратно, дверцу сейфа закрыл, повернул ручку.

Вернулся к столу, купюры положил на книгу, сам сел к компьютеру. Правой рукой открыл книгу, потом подтащил к краю стола телефон, включил экран. Набрал код: Два-Два-Пять-Три. Открыл контакты, нашел полицейское управление, нажал звонок и сразу громкую связь.

– Владыка Иосиф? – спросил с того конца бархатный голос. Даниил Андреевич, заместитель министра внутренних дел и начальник полиции МВД по Республике Карелия, всегда обращался к митрополиту так.

– Пришли ко мне Казаченко. – У митрополита голос был низкий, хриплый, с мокротой. – В полном обмундировании.

– Скоро будет. – Даниил Андреевич обратился к кому-то в сторону, и голос его зазвучал жестко: – Ксюш, Казаченко к митрополиту, пускай скинет все на младшего.

Митрополит сбросил звонок, выключил экран телефона. Снова посмотрел на компьютер, на чат с братом. Брат молчал. Молчал уже третий день. Митрополит взял из подставки белый бумажный квадратик, перелистнул страницы книги, скопировал в листок две строчки цифр. Потом взял еще один такой же маленький листок, написал на нем пару слов. Сложил пополам, сунул к двум оранжевым купюрам, а листок с цифрами складывать не стал, кинул к деньгам так.

Потом митрополит прикрыл глаза, толкнул левую руку в сторону, к стопке документов, ждавшей у края стола. Открыл глаза, стянул со стопки верхний лист, дал ему проскользнуть до клавиатуры. Позволил буквам с листа отложиться в памяти: «...решение о государственной регистрации некоммерческой...» – толкнул его дальше, перехватил правой рукой, в которую уже взял красный карандаш. Обвел на листе название фонда, регистрационный номер, переложил лист на закрытую книгу. Стянул левой рукой еще один лист, снова толкнул к клавиатуре. Здесь читал чуть дольше, но ничего подчеркивать не стал, смял, кинул в урну под столом. Потянулся за следующим.

Когда в дверь кабинета наконец постучались, слева от компьютера было пусто. Все листы из увесистой стопки перекидывали через клавиатуру к книге и урне. Митрополит повернул к двери лицо.

– Войди, – сказал он.

Дверь открылась, и на пороге возник молодой мужчина со скучным лицом. На нем была обыкновенная полицейская форма без опознавательных знаков.

– Владыка. – Мужчина качнул головой, прикрыл за собой дверь.

– Бери. – Митрополит указал на купюры, на листки, сложенный и обычный. – Езжай по адресу, найди там хозяина. Если спросят, скажешь, что от владыки Иосифа. Записку отдай.

Сложенный пополам листок полицейский сразу спрятал в карман, на листок с цифрами посмотрел, удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Попятился, вышел из кабинета.

На улице Казаченко снова посмотрел на бумажку с адресом и тут уже позволил себе присвистнуть. На бумажке не было ни улицы, ни дома. Вместо этого там значились два ряда цифр: координаты. Казаченко достал телефон, набрал цифры в картах. Карты показали, что нужно будет ехать из города не меньше часа. Казаченко вздохнул, убрал бумажку в карман, пошел к машине.

По дороге сначала слушал радио, но вскоре антенна перестала ловить, переключился на диск. Специально для вот таких дальних поездок у Казаченко была коллекция Билли Джоэла. Мимо проносился бесконечный лес, белый после выходных. Еще в субботу вдруг пошел снег, и осень – как всегда, неожиданно – закончилась.

Под колесами сначала был асфальт, потом мерзлая земля. Казаченко поглядывал в карту в телефоне, подпевал музыке. По делам владыки он ездил часто, но обычно это были короткие поездки по городу – и иногда в область, в Кондопогу, в Пряжу. Пару раз, на поезде, посылали в Костомукшу. Владыка обычно давал с собой конверт или картонную коробку и всегда накидывал сверху пару оранжевых купюр. Деньги эти Казаченко были не особенно нужны – он и в управлении зарабатывал неплохо, – но он знал, что в подарках владыки важна не сумма, а доверие. Когда митрополит звонил Даниилу Андреевичу, всегда просил прислать Казаченко.

Наконец дорога кончилась, а до нужных координат оставался еще добрый километр. Казаченко пригляделся – здесь была какая-то тропа, но ее всю замело снегом и рисковать машиной не хотелось. Вылез, достал из багажника теплую куртку, перчатки. Поправил пистолет в кобуре, пошел через снег.

Дома впереди возникли неожиданно. Вроде только что вокруг был сплошной лес, и вот оказалось, что Казаченко стоит на краю небольшой деревни. Тут все тоже было занесено снегом, только посередине домов, вокруг колодца, земля была вытоптана, и в грязи были видны бурые пятна, будто бы ржавчины.

– Есть тут кто? – позвал Казаченко. Дома молчали. Он вышел на середину, у колодца постучал носком ботинка по сброшенной деревянной крышке, стряхнул снег. Заглянул в колодец и замер. Колодец почти весь был засыпан снегом, но у самого каменного края из-под белого покрывала торчала окровавленная рука, изогнутая, ледяная на вид. Казаченко потянулся, ткнул рукой снег, стер – и увидел мертвое лицо с остекленевшими широко открытыми глазами. И сразу за ним было еще одно, такое же, только женское. Казаченко принялся откидывать снег в стороны, обнажая трупы.

У него за спиной беззвучно открылась дверь дома, и оттуда вышел высокий бородатый мужчина в белой рубашке. Мужчина сильно хромал – его левая нога была перевязана и закреплена на деревяшке. Для опоры мужчина использовал потертое ружье с расколотым дулом.

Казаченко пробовал вытащить один из трупов из колодца, когда мужчина наконец добрался до него, оперся о здоровую ногу, поднял ружье, размахнулся и ударил полицейского по затылку. Тот упал, ударился лбом об камни колодца. Мужчина ударил его еще раз, потом обернулся к дому.

– Мелкая, дуй сюда! – крикнул он. С простреленной ногой нагибаться ему было трудно. Из дома появилась маленькая девочка в такой же белой рубашке. Она быстро пробежала по снегу, послушно встала рядом.

– Переверни, обыщи, – сказал мужчина. – И давай в дом, а то замерзнешь.

Девочка попробовала приподнять труп, но сил ей не хватило. Тогда мужчина отодвинул ее дулом ружья, оперся о ее плечо, ружьем же толкнул тело полицейского. Тот сполз на землю.

– Давай быстро. – Мужчина хлопнул девочку по плечу так, что та чуть не покатилась по земле. Быстро опустилась на четвереньки, стала шарить по карманам полицейского. Отдала мужчине пистолет, потом кошелек, два набора ключей, сложенную пополам бумажку.

Бумажку мужчина сразу развернул. Там была всего одна строчка:

«Что с доставкой? Иосиф».

Плюнул, скомкал, кинул в колодец к трупам.

Часть первая

Глава первая

На вокзале было пустынно. Элеонора постояла у закрытого киоска, почитала объявления, потом прошла до конца платформы, закурила. Часы под вокзальной башенкой показывали без пяти – питерский поезд опаздывал.

На платформе появился одинокий полицейский, и Элеонора сразу нахмурилась, отвернулась. Пробежалась взглядом по красной крыше здания с кассами, посмотрела на другую сторону железнодорожных путей – там раскинулся белый после вчерашнего снегопада пустырь.

Снег шел и сейчас – редкий, медленный. Полицейский пересек платформу, прошел мимо Элеоноры. Он был хмурый и какой-то обиженный – Элеонора случайно встретила с ним взглядом и вздрогнула. Полицейский не обратил на это внимания – он посмотрел сквозь Элеонору, пошел дальше.

Элеонора достала телефон, потыкала в разбитый экран. Можно было, конечно, позвонить детективке, но, во-первых, что та могла сделать с поездом, а во-вторых, Элеонора и так переживала, что детективка себя не бережет: поезд наверняка был первым местом за последнюю неделю, где девочка могла нормально поспать.

Девочка не спала. Она быстро печатала в ноутбуке, иногда поглядывая то на экран лежащего рядом телефона, то на крестик у себя на запястье. Если слова в ноутбуке выходили плохо, а плохо они выходили часто, девочка замирала, бормотала молитву:

Господи, дай мне связную речь, пожалуйста.

Телефон завибрировал сообщением: «Мишка, ты как, доехала?»

Мишка – а девочку звали именно так – разблокировала телефон, одним пальцем выбила ответ: «Нет. Задержка в Свири. Будем минут через пятнадцать».

Элеонора снова остановилась у закрытого киоска, снова закурила. Полицейский исчез, но на платформу стали выползать бабушки с коробками и авоськами. Элеонора поразила тому, как точно им удалось рассчитать время прибытия поезда. Он появился на горизонте как раз, когда первая бабушка открыла свою коробку и стала вынимать из нее пакеты с вяленой рыбой.

Элеонора достала телефон, посмотрела на часы, затушила сигарету и бросила ее в сторону помятой урны. Окурочек ударился о железную крышку, поскакал по асфальту. Элеонора вздохнула и направилась к торговкам, которые наверняка точно знали, где именно остановится локомотив.

Мишка сошла по высокой вагонной лесенке с трудом. Элю она заметила еще из вагона – угрюмая женщина с въедливым, пристальным взглядом заметно выделялась на фоне старушек с лотками и пары встречающих с цветами.

Мишка махнула ей рукой, и Эля кивнула, но не сдвинулась с места. Видимо, не хотела толкаться с пассажирами и торговками. Мишка сошла на платформу и на несколько секунд потеряла журналистку из виду.

Детективка была невысокая и еле доставала Элеоноре до груди. Элеонора уже пожалела о том, что надела туфли, а не кеды. И вообще, разоделась, как на свадьбу, – переживала, что столичная звезда будет смотреть на провинциальную журналистку снисходительно.

Снисходительно детективка не смотрела и сама была одета невызывающе: большая красная жилетка, делающая ее похожей на телефонную будку, белая рубашка с красной пуговицей на воротнике и синие джинсы. Пока она пробиралась через толпу, Элеонора окинула себя взглядом, расстегнула верхнюю пуговицу пиджака. Обычно по городу она ходила в футболке и джинсах, пиджак надевала только для официальных приемов или во время командировок, но сейчас она не знала, чувствовала бы она себя лучше в футболке или нет, – детективка даже издали произвела на нее сильное впечатление.

Элеонора много слышала о Мириам Борисовне – и от переехавших в Москву коллег, с которыми когда-то вместе училась в ПетрГУ, и от знакомых галеристов в Питере, которым детективка помогла вернуть пять похищенных из коллекции картин. Маленький рост как будто делал детективку даже внушительнее – Элеонора почувствовала, как вытягивается, встает в караульную позу. Чтобы немного расслабиться, поднесла к виску руку, отдала честь спине полицейского, снова маячившей на краю платформы. Тут же снова стала искать взглядом детективку – испугалась, что та заметила этот жест.

Эля выглядела очень напряженной, и Мишка сразу заглядывалась, нашла полицейского, быстро перевела взгляд на журналистку, ожидая, что та что-то объяснит, но Эля молчала.

– Здравствуйте, – сказала Мишка. Она не представляла, как нужно обращаться к Эле, с которой в «Лабиринте» они переписывались на «ты», но по которой в «Лабиринте» не было видно, что она женщина средних лет в профессиональном костюме. Мишка, конечно, понимала, что вряд ли журналистке столько же лет, сколько и ей, но представляла ее себе сравнительно молодой девушкой, неформальной, с пирсингом, может быть, или татуировками. Впрочем, под пиджаком и рубашкой легко могло скрываться и то и другое, поэтому Мишку просто протянула Эле левую руку. Та осторожно пожала ее собственной правой.

– Как к вам лучше обращаться? – спросила Мишка.

– Эля. – Журналистка нервно дернулась. – И на «ты», мы же с вами на «ты»?

Мишка кивнула.

– Отлично, – сказала Эля. – Пойдемте, пройдемся до воды, вы мне расскажете, что мы ищем и чем будем заниматься.

– Я тебе расскажу? – спросила Мишка, чтобы все-таки прояснить вопрос с местоимениями.

– Да, – сказала Эля. – Ты мне.

«Водой» Элеонора назвала Онежское озеро, к которому от вокзала вел проспект имени Ленина. По этому проспекту они с детективкой и пошли, иногда останавливаясь, чтобы Элеонора могла указать на то или другое здание и рассказать что-нибудь про город – про профессиональные команды по регби, про местное отделение «Единой России», про особнячок канцелярии епархиального управления, про ресторан «Кухня» и длинную скамейку, растянутую прямо перед входом в ресторан.

Детективка явно заранее изучила карту города и вопросов задавала мало, поэтому Элеонора старалась про каждое примечательное здание рассказывать что-нибудь «местное», такое, что наугад было бы непросто. Про то, как два полицейских по пьяни стали стрелять с колеса обозрения, про развернувшуюся недавно массовую торговлю вейпами, про закрытие краеведческого музея по причине отключения отопления. Элеонора чувствовала, что в ее пересказе город превращается в какой-то нищий притон, но ничего не могла с собой поделать – ей очень хотелось, чтобы детективка внимательно ее слушала.

Мишка рассматривала город. Желтому приятному домику, в котором располагалась епархиальная канцелярия, уделила особенно пристальное внимание. Она не думала, что Оби-

тель как-то повязана с местной епархией, но все же и исключать такой возможности было нельзя. Все госструктуры в городе предстояло изучить в доскональности – Мишке не хотелось позвонить в полицию с информацией об Обители и вдруг обнаружить, что у них крыша покруче ее собственной, федеральной. Петрозаводск, это Мишка понимала, не Москва и не Питер. И рассказы Эли пока что подтверждали все ее предположения.

Элеонора злилась на себя за то, что не может замолчать и дать детективке рассказать все-таки о причине приезда. Снова и снова Элеонора обещала себе, что сейчас перестанет говорить, и почти сразу пускалась в следующий рассказ – дошла даже до концерта Клары Новиковой, прошедшего в городе тремя годами ранее. После этого анекдота у детективки точно должно было сложиться впечатление, что она приехала в какие-то дикие края, и Элеонора стала объяснять про границу с Финляндией, про свежую рыбу, про театр, музеи, про кальянную в «Кухне». Детективка слушала, кивала, иногда что-то вбивала в телефон. Смотрела без осуждения, с любопытством.

Наконец они дошли до набережной, и Элеонора перевела дух, давая детективке осмотреться. Далеко за зеленоватой водой тянулась полоса леса, и только справа, за островами, озеро разливалось по-настоящему. Элеонора видела его почти каждый день и все равно каждый раз не могла поверить, что вся эта вода тут, совсем рядом. Нигде больше такой воды Элеонора не видела.

Глава вторая

Когда из колодца вылез человек, Ева не испугалась. То есть, конечно, испугалась, потому что цепь, по которой человек выбрался, ободрала руку и потому что вся ночная Обитель, плачущая Злата, шипящая Баба – все это было как в страшном сне, но сам человек был приятный. Схватил Злату и Бабу, а Еве сказал в Бабиной комнате спрятаться. Там она и провела ночь.

Ева сидела и молилась, потом, когда глаза начали слипаться, села у самой Бабиной кровати, свернувшись калачиком, задремала.

Человек разбудил ее под утро.

– Ну, мелкая. – Человек вошел, оперся о ружье, и стало видно, что все его голое тело измазано в крови. Черная, красная, жирная кровь стекала по его рукам, по разбитому ружью, в зазубринах которого застряли какие-то рваные лоскуты.

Ева поняла, что сейчас человек ее убьет.

– Так, – сказал человек. – Я, мелкая, твой брат Адриан, сын твоего отца, и теперь буду тебя охранять. Поняла?

Ева кивнула. Отец говорил, что однажды, когда она немного подрастет, у нее в жизни будет мужчина, который будет ее оберегать и о ней заботиться. Ей, значит, достался человек из колодца по имени Адриан. Ева поднялась, подошла, обняла Адриана. Он охнул, осторожно погладил ее по голове мокрой ладонью.

– У меня, видишь, – Адриан чуть ее отстранил, – рана.

Ева посмотрела вниз и увидела, что левая нога Адриана перемотана какой-то тряпкой, которая насквозь пропиталась красным.

– Я сейчас прилягу. – Адриан пересек комнату, опустился на Бабину кровать. – А ты разведи на кухне огонь, вскипяти воду и тащи сюда в котелке. Умеешь огонь разводить?

Ева помотала головой. Адриан вытянулся на кровати, которая была для него слишком мала, не в ту сторону, головой от подушки, свесил с кровати больную ногу, показал девочке палец одной руки, другую сжал в кулак.

– Тебе нужны спички взять, – сказал он. – И коробок. Одну спичку о коробок дернешь, она загорится, вот так. – Он щелкнул пальцем по кулаку. – Поняла?

Ева кивнула.

– Спички сама найди, – сказал Адриан. – На кухне.

Он тяжело вздохнул, закрыл глаза. Ева быстро вышла из комнаты.

Все было в Обители спокойно. Тихое утро, белое небо. Только у колодца по вытоптанному снегу тянулись красные следы. Ева быстро прошла мимо. Хотела найти отца или кого-то из старших сестер, но Адриан сказал вскипятить воду, а значит, надо было с этого начать. Еве теперь полагалось выполнять любые его указания, потому что земной муж все равно что старший брат. Как Бог на небе указывает братьям, так мужа указывают своим женам.

Ева впервые была на пустой кухне. Спички нашла сразу, два толстых коробка валялись у самых углей. Котелок сначала притащила большой, потом поняла, что с водой его не унесет, и выбрала поменьше, с ржавым дном. Набрала из бочки воды, подвесила котелок на цепь. Там же, рядом с коробками, лежала нарванная братьями береста и с ней два куска затертой газеты и какая-то бутылка, из которой сестры иногда брызгали на угли. Ева теперь была совсем взрослая, а значит, надо было во всем вести себя как сестры. Ева побрызгала из бутылки на руки – это, наверное, была святая вода, и сестры ею благословлялись. Потом еще плеснула на угли. Зажгла спичку, бросила. Угли сразу занялись, даже без газеты. Ева села на пол, стала ждать.

Вода закипала медленно, будто тужась, пытаясь надуться огнем. Ева все ждала, что на кухню придут сестры. Пора было готовить на утро. Но сестры не появлялись. Младшие не заглядывали через дверь. Обитель будто не проснулась. Ева вспомнила, как Баба рассказывала сказку про вечное утро. Сказка была странная, и раньше Ева ее совсем не понимала. А теперь почувствовала: вот оно. Утро вечное.

Жила-была девушка с петухами. Росла без отца, матери, одна в черном лесу. На краю леса была деревня, но девушка в деревню никогда не ходила, потому что там, среди людей, жил страшный черт. Могучий бородатый черт с рогом на спине. Черт по ночам приходил к девушке свататься, но девушка жила в вере и черта не боялась. Всегда крестилась на него, звала своих петухов, и те, когда наступало утро, криком черта прогоняли.

Черт задумал избавиться от петухов. Однажды девушка проснулась, видит: за окном небо уже белеет, а во дворе, у деревьев, стоит черт. Бороду расправил, очерил злое лицо, рябое, все в рытвинах, в больших кровоточащих ранах. Девушка перекрестилась, позвала петухов. А они не летят, не кричат. Засмеялся черт.

– Вечное здесь будет утро, – сказал он. – Больше никогда петухи твои не запоют, потому что день приветствовать незачем. Не будет больше дня.

Побежала девушка к петухам. Те сидят на жерди в курятнике и молчат, топят черные глаза в утренней пустоте. Тогда девушка побежала в деревню, а там пусто. Нет людей, а все животные, коровы, петухи, козы в пустоту смотрят, словно спят. Девушка упала на колени, стала молиться. Бог ее услышал и сказал: «Ступай замуж за черта, проживи с ним триста лет, и наступит день».

Девушка стала жить с чертом, и каждый день он становился все страшнее. Лицо его перетекло, глаза вросли в шею, рот растянулся до ушей, а рог на спине все рос и рос, изогнулся внутрь, пролез через сердце, через легкие, распустился многорожьем в груди. Девушка каждый день плакала и молилась, но знала, что триста лет однажды пройдут и наступит день.

– Как же, наступит, – смеялся черт. – Когда года по дням считают. Если нет дня, так и года нет, и трехсот лет нет!

Но Бог берег девушку, и она поэтому считала дни по своим грязным числам. Потому что и без дня и ночи у девушки из себя кровь текла, черная. Прошел год, потом второй. Черт бесился, что девушка от него народить не может, а девушка в вере жила и поэтому не могла народить от черта. И вот наступил трехсотый год вечного утра, и вот он закончился. Девушка проснулась, увидела рядом черта. Тот улыбался, показывал свои длинные черные зубы, уходящие рядами до самого его горла. Там, в горле, выворачивались внутрь его глаза, так глубоко они вросли в шею. Глаза помаргивали, капали гноем.

– Ну что, позовешь своих петухов, дура? – спросил черт. – Или со мной все же лучше? Привыкла уже, небось? Зачем тебе другая жизнь?

Девушка сотворила крестное знаменье, позвала петухов. Те забились крыльями в стекло, закричали, и черт сразу сжался, многорожье его развернулось, разорвало его грудь, глаза его выдрались, растеклись по полу с зубами и рваными кусками мяса. И девушка стала дальше без черта жить. От дня к ночи и от ночи к дню. Пока ее век не закончился.

Ева моргнула и поняла, что вода уже закипает, течет по краям котелка. Надо было его снимать и нести Адриану. На столе нашла толстые варежки, надела, очень осторожно взяла котелок. Тот оказался тяжелый, жаркий. Ева вынесла его на улицу, пошла медленно, боясь расплескать. У двери Бабиной комнаты остановилась. Не знала, как открыть. Наконец развернулась, толкнула створку спиной. Из котелка на рубашку отлетела капля, и Ева чуть котелок не выронила.

– Что, малая? – Адриан на кровати заворочался, открыл красные глаза. Будто за то время, пока Ева кипятила воду, из него вся сила ушла. – Воду принесла? Хорошая. Сюда неси.

Ева устроила котелок на кровати, рядом с Адрианом, встала напротив, стала ждать указаний.

– Тряпок чистых теперь притащи. – Адриан стал подтягивать больную ногу, будто собираясь зубами на ней ткань разматывать. – В спальнях есть. Ты там по сторонам не смотри, просто свою простыню принеси, она чистая.

В доме пахло странно. У Евы сразу закружилась голова, и она оперлась о закрытую дверь спальни, стала бормотать молитву, повторяя ее знаками. Теперь, когда она была взрослая, ей, наверное, можно было и креститься, не прячась. Ева вышла на улицу, встала лицом к молельне, совершила крестное знамение, поклонилась в пояс. Взрослой быть было приятно, и снова в дом она вошла уже без кружения в голове. Указ Адриана помнила и по сторонам не смотрела, хотя в спальне, где на кроватях должны были спать младшие, все было не как обычно. Тихо, бесшумно спали братья и сестры – ни храпа, ни скрипа, и только сладкий, странный, тяжелый запах. Ева, не поднимая головы, прошла до своей кровати. В одном только месте заметила на досках пола красный подтек, но не повернулась, потому что знала, что, если муж приказал по сторонам не смотреть, значит, нельзя. Об этом у Бабы тоже была сказка. Про блудную жену.

У одного человека была блудная жена. Каждый день ходила по деревне и блудила, а от мужа свой блуд скрывала. В один день муж узнал про блуд жены и решил ее наказать. Целую ночь молился, чтобы Бог ее покарал. Бог сказал мужу:

– Если жена оступилась, значит, муж ее за узду не держит. Возьми свою жену, ступай с ней на болото, скажи ей встать как собаке, и пускай из болота на коленях выбирается. Если послушается – будете жить счастливо. А если пойдет по болоту ногами, то не ее, а тебя покараю. Передо мной ты за жену в ответе.

Муж отвел жену на болото и сказал:

– Если ты меня любишь, то вставай на колени и ползи так до дома, как собака.

Жена на колени вставать не захотела. Тогда муж взял большой камень, замахнулся и снова сказал:

– Если ты меня любишь, то вставай на колени и ползи так до дома, как собака.

Жена и на этот раз его ослушалась. Тогда муж сломал камнем ей ноги и ушел.

К вечеру жена из болота выползла, дотащила себя до дома. Муж ждал ее на крыльце, поднял, поцеловал, отнес к печи, разложил там, стал лечить ее ноги. А жена на него затаила злобу. И ночью стала молиться, чтобы Бог мужа наказал. Бог ответил жене:

– Если бы ты послушалась мужа, ноги бы твои сейчас не болели. Молись не о наказании для него, а о прощении для себя.

Тут жена поняла свой грех и заплакала, а когда муж проснулся, стала просить у него прощения. Муж простил ее, и они стали дальше жить вместе, и жена больше не блудила.

Ева взяла с кровати простыню, свернула и быстро пошла обратно, все так же смотря только в пол. Голова снова закружилась, и она выбежала на улицу, опустилась в снег. Попробовала произнести взрослую молитву – без жестов, к молельне:

Господи, защити рабу Твою Еву, и научи ее во всем слушаться раба Твоего Адриана, и дай ей силы выполнить все его указания и во всем за ним следовать.

Сразу стало спокойнее. Ева выпрямилась, перекрестилась.

Адриан ждал ее на кровати. Он развязал ногу, и стала видна рана у самого колена. Адриан отмылся слегка – его лицо стало чистым, его ладони блестели и капали на кровать. Принесен-

ную простыню он сразу стал рвать на длинные лоскуты. Ткань больно трещала по ушам, и Ева вся сжалась, думая о том, что так начинается ее терпеливая взрослая жизнь.

– Мелкая, – Адриан огляделся, потянул от изголовья кровати доску, – ты прости, что я тебя пока не могу отпустить гулять.

Он с хрустом оторвал доску, стал ломать.

– Просто в Обители сейчас нехорошо, – сказал он. – Нужно мне прибраться, а тебе этого видеть незачем. Я сейчас с ногой закончу, подремлю до вечера, а там пойду соберу по Обители сестер-братьев, тогда и тебе можно будет свободно гулять. Поняла?

Ева кивнула.

– Вот и хорошо. – Адриан стал прилаживать получившуюся деревяшку к ноге, обмотал ее обрывком простыни. – Ты, наверное, есть хочешь?

Ева снова кивнула.

– Ступай на кухню. – Адриан весь скривился, будто пытаясь проглотить иголку. – Там у дальней стены, в нижнем шкафу есть такая деревянная коробка. В ней бруски шоколадные. Их поешь, ну?

Ева кивнула в третий раз.

– Все. – Адриан вытянул ногу, сжал губы так, что те побелели. – Ступай. И там жди, я к тебе сам приду. В туалет, если что, там ходи, в котелок. На улицу ни ногой.

В пятый раз прошла Ева мимо колодца. На этот раз кровавого снега уже не боялась и решила подойти, заглянуть внутрь. В колодце было темно и холодно, как будто Ева в воду голову сунула. Далеко внизу лежали сплетенные тела – Ева разглядела белую вывернутую руку и темную голову, уткнувшуюся лицом в дно. Все же, значит, в колодце Адриан жил не один. Ева поскорее дошла до кухни, стала искать коробку с шоколадными брусками.

Коробка обнаружилась не там, где говорил Адриан, – она лежала в глубине одной из средних полок шкафа с запасами, и Ева еле-еле до нее дотянулась. В коробке и вправду лежали коричневые, рыхлые на вид плитки. Часть была завернута в бумагу, остальные лежали так и немного склеились.

Ева такие плитки видела раньше, но обычно младшим давали по маленькому куску – на всех хватало двух или трех плиток. Теперь же, когда она стала взрослой, ей можно было съесть целую плитку. Ева взяла один из бумажных конвертиков, села на пол возле потухших углей. Огонь надо было скоро разводить заново, на кухне было уже морозно, но сначала Еве очень хотелось есть. Она развернула плитку, осторожно откусила край, боясь, что та окажется слишком сухой. На зубах песком хрустел шоколад с привкусом железа. Ева чуть не сплюнула – неслучайно детям кусочки давали с водой.

Воды набрала из бочки, и есть сразу стало проще – за пару минут Ева расправилась с плиткой и сразу пошла за второй. Адриан не сказал, что ей можно только одну съесть. После второй плитки захотелось третью. Кухня плыла перед глазами, но Ева поднялась, дошла, покачиваясь, до шкафа, вытащила очередной конвертик из коробки, сразу, прямо сквозь бумагу, надкусила и осела на пол. Глаза вроде оставались открыты, но ничего не видели, а в ушах вдруг засвистело, как будто Ева быстро бежала по пустой дороге. Что-то давило на затылок, и кухня вокруг унеслась куда-то вверх – Ева почувствовала, что падает, падает в какой-то бесконечный, совершенно черный колодец. Воздух в ушах бился о кровеносные сосуды – казалось, что голова сейчас лопнет. Ева закричала и не услышала собственного голоса. Даже не увидела рук – только почувствовала, что падение ускоряется.

На кухню Адриан зашел уже к ночи. И вправду дремал, ждал, пока боль хоть чуть-чуть утихнет. То есть, конечно, не боль – боль ему была в радость, – а слабость, едкое болото, в которое проваливалась голова каждый раз, когда в колене выстреливала рана. Адриан ждал,

следил за собой даже в полудреме, и, как только стало понятно, что голова проясняется, поднялся. Нужно было убраться в Обители. Тела стащить, скинуть в колодец, вслед за матушкой и сестрой. Дома, молельню сжечь. Не сразу – и для этого-то трупы и нужно было спрятать. Пару дней предстояло еще провести здесь, собирая по норам под молельней, по ящикам в мастерской необходимые для мирской жизни припасы. Где-то здесь должен был отец прятать деньги. Много денег, достаточно для того, чтобы жить потом в мире без забот. Отец деньги берег, лишнего никогда не тратил – должен был за годы скопить состояние.

Малую Адриан уже решил, что с собой заберет, – девочка была хорошая, добрая, к тому же сестра все-таки. Планов женитьбы не строил. Когда-то, до колодца, такая малютка бы Адриану очень приглянулась. Теперь же тело Адриана умело отзываться на мир только болью. Он не чувствовал жара и холода, возбуждения или дрожи. Только больно – не больно. Нужно было найти деньги и уехать в Петрозаводск, оттуда податься или на север, за Мурманск, или наоборот, на самый юг, к Украине. Адриан знал, какой рай ему нужен. Своя Обитель – дом, лес, поле. И море крови.

Об этом думал постоянно, так уже привык, что и не замечал почти. Вчера, когда бродил по Обители, забивал братьев и сестер, старших, младших, думал о другом – о том, нужно ли в городе искать документы, нужно ли брать с собой «Двоицу», которая хранилась в мастерской, в таблетках, и на кухне – в гематогенных плитках, привезенных из города, которые сестры пропитывали «Двоицей» для младших. «Двоица» стоила дорого и ее, конечно, можно было продавать самому, но Адриану было скучно об этом думать, скучно представлять старую, доколодезную жизнь, в которой приходилось разговаривать с другими людьми. Вместо них он теперь видел просто куски мяса, которые, наверное, двигались и, возможно, даже что-то думали.

Куски мяса, разбросанные по Обители, не двигались и не думали. Они лежали там, где он их вчера оставил. В кроватях с засохшей кровью. Сначала Адриан сходил за отцом, перетащил того к колодцу – делать это было трудно, нога не гнулась совсем, поэтому Адриан цеплял тело ободраным стволом ружья, которое за вчера заострилось, покрылось крючками гнутого металла. Тащил тело за собой, и выходило медленно. Еще медленнее было сбрасывать его в колодец. Адриан осторожно садился рядом, вытягивал ноги и руками подтаскивал тело через себя, через плечо и каменную кладку скидывал в темноту.

С детьми было проще, а больше всего провозился с толстой сестрой, которую всегда не любил, даже до колодца. Хотел даже разорвать ее на куски поменьше, но побоялся, что силы кончатся. Тело болело меньше, чем ночью, но все еще было будто сонное, все время хотелось лечь, растянуться, расслабиться. Адриан впервые позавидовал брату Дмитрию, который всегда умел будто бы всасывать боль, растворять ее в душе. Если кто-то и мог склонить его к молитве – так это брат, который, в отличие от отца, матушки и всех остальных, жил в мире как в царствии Божьем. Мир видел как два колоса, гнилой и здоровый, и всегда знал, какой срубить. Адриан даже обратился к брату, хотя тот давно не жил в Обители:

– Димка?

Обитель не ответила, и Адриан понял, что снова проваливается в дремотный бред. Нога не болела, но стягивала душу изнутри, будто забирая себе всю силу. Адриан дотащил до колодца последний труп, добрал до кухни, заглянул. Там было темно и холодно. Если спать снова, нужно было развести огонь.

Малая валялась на полу, подрагивала, обожравшись «Двоицы». Адриан, проходя, ткнул ее ружьем в плечо, и она вскрикнула, не просыпаясь. Хорошо, пускай лежит. Он ее специально сюда отправил. Не хотел, чтобы она все тела видела, это для ее маленькой души могло быть слишком тяжким, слишком страшным. С пола подобрал спички, жидкость для розжига. Стал делать огонь.

Глава третья

Даниил Андреевич, мужчина лет сорока, приятно округлый, улыбчивый, перекрестился и вошел в приемную. К митрополиту он ездил часто – и по делам МВД, и по личной приязни, – но сегодня был один из тех редких дней, когда предстояло перед митрополитом оправдываться. Казаченко, один из лучших полицейских сотрудников и несомненный митрополитовский фаворит, к вечеру, как обещал, не отпрапоровался. Даниил Андреевич сперва значения этому не придавал – дела митрополита могли занести Казаченко далеко от города, могли быть и конфиденциальными. Всякое случалось. Но полчаса назад из канцелярии епархиального управления позвонил секретарь, чтобы узнать, не появлялся ли Казаченко в полиции. Это насторожило Даниила Андреевича, потому что означало, что там Казаченко тоже ждали к вечеру и уже заждались.

В отличие от многих других полицейских города, Даниил Андреевич митрополита Иосифа любил искренне. И поэтому сразу собрался ехать в канцелярию. Логика тут была простая: у митрополита возникла какая-то трудность, требовавшая полицейской помощи. Даниил Андреевич эту помощь в лице Казаченко предоставил. Теперь Казаченко исчез. Первым делом нужно было выяснить, нужна ли еще митрополиту помощь, и эту помощь оказать, а потом уже заняться поисками Казаченко. Даниил Андреевич знал, что трудности митрополита – это трудности всего города, а чаще и всей области, и на фоне таких трудностей исчезновение одного, даже лучшего, сотрудника вряд ли могло быть важным событием.

В приемной канцелярии Даниила Андреевича уже ждали. Секретарь, подтянутый парень с гимназистской выправкой и заметной татуировкой креста на шее, прямо над воротничком, провел его к кабинету митрополита и, спросив: «Чай-кофе?», исчез в приемной. Даниил Андреевич снова перекрестился, постучался. В голове уже приготовил все, что нужно сказать: одно предложение извинений, одно – оправданий, краткое обещание усилия дополнительные приложить, а затем предложения по замене Казаченко – у Даниила Андреевича был специально заготовлен список подходящих сотрудников, которые на всякий случай сейчас все ждали в полицейском управлении.

– Войди, – раздалось из-за двери. Даниил Андреевич толкнул дверь и оказался в кабинете митрополита. Как всегда, здесь было жарко, даже душно. Митрополит сидел у компьютера и, судя по раскрытой книге и разложенным поверх клавиатуры распечаткам, сверял лицензионные номера каких-то некоммерческих фондов. Митрополит указал здоровой рукой на стул, покачал пальцем, показывая, что сейчас закончит.

Даниил Андреевич любил наблюдать за его размеренной, спокойной работой. Над бумагами медленно перемещался красный карандаш – митрополит что-то подчеркивал, выделял, помечал, затем перекладывал распечатки, снова сверялся с книгой. В этой книге хранилась область: две епархии, сотня приходов, почти дюжина монастырей, десятки фондов и попечительских организаций. Над этой книгой, если бы ее видели коллеги Даниила Андреевича, многие бы смеялись – но сам Даниил Андреевич понимал, что не случайно в одном бумажном хранилище собрана вся эта информация. Митрополит знал каждую страницу книги наизусть и пользовался ей для того, чтобы не занимать мысли скучной работой. Своей головой он решал проблемы сложные, а всякие лицензии, назначения, бюджеты – все это были проблемы простые, ничего, кроме бумаги и карандаша, не заслуживающие. И телефоном с компьютером митрополит пользовался редко и медлительно не потому, что не умел – в свое время сам организовал первый компьютеризированный архив в епархии, – а чтобы силы в пустое не уходили. И манера говорить – по той же привычке – у митрополита была необычная. Как будто лишний раз иногда проговаривал всем знакомые вещи.

– Ты ко мне сегодня Казаченко присылал. – Митрополит переложил толстую руку ближе к середине стола, карандаш опустил рядом. – Я его отправил в лес, к монастырю моего брата, из которого давно жду ответ.

Даниил Андреевич весь напрягся. Во-первых, потому что никогда не слышал о том, что у митрополита есть брат, а во-вторых, потому что митрополит обычно свои дела полицейским не объяснял. Давал указания, и все.

– Брат мне не пишет, – сказал митрополит. – У нас с ним уговор, что, если такое случится, я жду два дня, потом посылаю гонца. Если гонец не возвращается, значит, что-то в монастыре случилось.

Даниил Андреевич слушал молча, не кивал, потому что знал, что митрополиту такие знаки не нужны.

– Нужно отправить наряд, – сказал митрополит. – Прямо сейчас. И сам с ними поедешь.

Даниил Андреевич кивнул. Не решался все никак спросить важное, но митрополит будто подслушал мысли.

– О безопасности не беспокойся, – сказал он. – Обычный лесной монастырь, старый. Адрес я тебе сейчас напишу.

На улицу Даниил Андреевич вышел в задумчивости. Важных вопросов было два: сообщать ли о просьбе прямому начальству и кого взять с собой в экспедицию. О том, что митрополита можно послушаться, Даниил Андреевич не думал. Ни разу еще не было такого, чтобы Иосиф в чем-то себя не оправдал. Всегда отличался большой мудростью.

Даниил Андреевич посмотрел на листок с координатами. Всего однажды ездил он в такой лесной монастырь, не монастырь даже, церковный детский дом на Ладогге. Помнил, какая там была «дорога». Значит, надо было не только о сотрудниках, но и о машине подумать.

Министру решил пока не сообщать – все же митрополит был выше начальства, а значит, следовало выполнять обычные практические упражнения. О любом указе уведомлять нужно только тех, кто этот указ может оспорить, а другим о нем знать незачем.

Полчаса спустя полицейская машина уже выезжала из города. Даниил Андреевич сидел спереди, на пассажирском, и разглядывал в телефоне карту. За рулем нервно дергал бровью Иван, которого Даниил Андреевич ценил за умение водить машину по любой, даже самой пересеченной, местности. Обычно Иван болтал без умолку, но при посторонних – а на заднем сиденье сидели три младших чина, – видимо, не хотел смущать начальство панибратством.

Сам Даниил Андреевич был бы не против панибратства. Атмосфера в машине была гнетущая. Вряд ли младшим хотелось ехать в ночь, в лес с начальством, которое они обыкновенно видели только издали, сквозь приоткрытую дверь кабинета. Но выбора не было: нужно было брать тех, кто будет во всем слушаться и не побежит жаловаться или болтать попусту. Даниил Андреевич очень надеялся, что выйдет получше, чем с детским домом на Ладогге. Там вышло, как тогда выразился митрополит, нехорошо.

Церковный детский дом на Ладожском озере располагался на самом берегу. Даниил Андреевич никогда раньше в нем не бывал и ожидал увидеть бывший советский дом отдыха, обнесенный шатким забором, или, может быть, несколько небольших домиков, когда-то служивших турбазой или пионерлагерем. Но когда машина вывернула из леса на высокий берег, оказалось, что весь приют – это одна большая изба, длинная и чуть накренившаяся к песчаному откосу. Изба была сложена из толстых бревен, частью совсем старых, принесенных, наверное, с другой избы. Слева, уже почти над водой, из избы торчали доски навеса, под которым валялись какие-то пакеты и мятые картонные коробки. Справа, там, где начинались деревья, были сруб бани и отхожая яма, скрытая полотняной тканью.

У крыльца, разбитого и будто медленно сползающего под землю, Даниила Андреевича ждала угрюмая женщина в платке и бесформенном платье. В руке она держала старый складной телефон, которым, кажется, готова была ударить полицейского.

– Я от владыки Иосифа, – сказал Даниил Андреевич, поднося руку к нагрудному карману. В последний момент вспомнил, что владыка сказал удостоверения не показывать и на свой полицейский чин, тогда еще не заместительский, не ссылаться. Опустил руку, встал вольно.

Женщина молча повернулась и пошла к озеру. Даниил Андреевич хотел заглянуть в избу, но дверь была плотно закрыта, поэтому он последовал за женщиной. Прошли мимо навеса. Вблизи стало видно, что пакеты и коробки – продовольственные. Склад таких пайков Даниил Андреевич видел в городском распределителе. Там они были затянуты в пленку и походили на белесые кирпичики, здесь же их скинули без разбору, сорвав, видимо, пленку и распечатав пару, которые так и лежали, вскрытые, высыпав на землю пакеты с крупой.

За избой земля заканчивалась двухметровым обрывом, под которым плескалась зеленая, заросшая камышом вода. У самой кромки лицом вниз лежал ребенок. Даниил Андреевич сначала заметил его грязную рубашку, длинную, служившую, видимо, и штанами, и только потом понял, что ребенок, очевидно, мертв.

– Вот, – сказала женщина. – Забирай.

Она ткнула куда-то в сторону, и Даниил Андреевич медленно обернулся. Возле стены избы стоял багор с изогнутым крюком на конце.

– Что, простите? – Он понял, что сказала женщина, но пока не успел собраться с мыслями. Митрополит не объяснял, что именно нехорошее случилось в детском доме.

– Палку возьми, – сказала женщина.

Даниил Андреевич взял багор. Женщина встала у стены, скрестила на груди руки.

– А что с ним случилось? – спросил Даниил Андреевич. Он снова посмотрел на ребенка, опустил багор, потом бросил на землю. Женщина ничего не ответила. Тут Даниил Андреевич взорвался. На должность его утвердили тогда недавно, с церковными он дела почти не имел – только с митрополитом, и то в первую очередь по административным делам. Набросился на женщину, даже кулаком замахал, хотя бить, конечно, не стал. Женщина слушала его невнимательно, смотрела мимо. Из множества вопросов ответила всего на один, о том, как зовут погибшего:

– Федор.

Даниил Андреевич выдохся, опустился у обрыва на корточки. Мальчик лежал все так же. Его голова, казалось, норовила качнуться на воде.

Когда Даниил Андреевич оглянулся, оказалось, что женщина ушла. С другой стороны избы хлопнула дверь. Даниил Андреевич достал телефон, набрал прямого начальника, который служил на своем посту с начала двухтысячных.

Начальник немного послушал, а потом устало сказал:

– Это церковное дело. Им мы доверяем. Несчастные случаи в домах не редкость. Там такие дети, что оно, может, и к лучшему, если самые буйные перетопятся. Ребенка заверни, клади в багажник и езжай в город, в морг на Кирова, там тебе все оформят. У бабы – или кто там главный? – обязательно паспорт мальчика заberi. Не будут давать, пригрози церковной проверкой, они это не любят. Все понял?

С Даниилом Андреевичем давно так не разговаривали – как с самым нижним чином, и он мгновенно прочувствовал всю важность происходящего. Потом он не раз возвращался в это состояние, и почти всегда – в те моменты, когда оказывал помощь митрополиту.

Теперь, в машине, рассекающей фарами черный лес, Даниил Андреевич снова будто стал стажером на третьей неделе. Едешь куда скажут, старших не слушаешься, а просто будто ста-

новишься их руками, ногами и глазами. И неважно, сколько у тебя звездочек и наград. Нужно сделать – едешь и делаешь.

Навстречу пронеслась машина – Даниил Андреевич вздрогнул, оглянулся. Остальные тоже посмотрели вслед удаляющимся красным фарам. Откуда здесь ночью мог взяться автомобиль, было неясно, причем Даниилу Андреевичу показалось, что машина была не простая. Как раз на такой уехал Казаченко. Впрочем, его в первый момент так ослепили встречные фары, что могло и показаться. Иван выжидательно смотрел на начальство.

– Дальше едем, – сказал Даниил Андреевич. – Вроде недалеко уже.

Размышлять было не нужно – нужно было выполнить просьбу митрополита и возвращаться в город.

Карты показывали еще полчаса. Даниил Андреевич посмотрел на Ивана, который чему-то хмурился, вглядываясь в темноту, и решил, что раз он сейчас не начальник МВД, а стажер, то можно все-таки и поболтать с водителем.

– Вань, – сказал он, – ты вчера что-то про Сочи рассказывал, про ресторан. Что там у вас с ними вышло то?

Иван широко улыбнулся. Он, оказывается, только и ждал вопроса.

Когда подъехали к месту – фары высветили конец дороги, – еще несколько минут просидели в машине, чтобы Иван мог дорассказать свою одиссею. В Сочи он прослужил всего год, но историй у него про южный город накопилось, кажется, на всю оставшуюся жизнь. И только когда смех в машине стих, Даниил Андреевич вдруг заметил, что между деревьев что-то просвечивает.

К тому моменту как выбрались из машины, достали из багажника фонари, было уже ясно, что где-то там за деревьями полыхает нешуточный пожар. Быстро побежали по снегу – Даниил Андреевич мельком отметил, что под ногами снег был свежесмятый. Тут недавно проехала машина.

Посреди леса полыхала деревня. Два длинных дома, сарай и большая то ли часовня, то ли высокий амбар. Полыхали ярко и намеренно – видно было, что огонь с одного здания на другое сам пока перекинуться не мог. Кто-то здесь решил все сжечь.

– Эй! – закричал Даниил Андреевич. – Кто живой?! Эй!

Он повернулся к остальным, быстро показал: ты туда, ты сюда. Нужно было понять, где местные жители. Не все же они на одной машине уехали.

Сам Даниил Андреевич бросился к большому дому, приподнятому над высоким крыльцом, пошел по кругу, искал окно – если там внутри кто был, можно было услышать. Наткнулся на дверь в холме, хотел открыть, но увидел, что из щелей ползет дым. Видимо, и там был пожар. И тут где-то между домов закричал Иван. Долго, протяжно, будто от непереносимой боли. Даниил Андреевич побежал обратно.

Водитель стоял у колодца, вырытого между двумя домами. Стоял и пялился внутрь. От домов уже спешили остальные. Даниил Андреевич положил Ивану руку на плечо, глянул мимо него в колодец и сам вздрогнул. Из-под снега, который, он думал, был навален на крышку, на него смотрели мертвые черные глаза, в которых танцевал огонь. Рядом, чуть пониже, были еще глаза. Такие же черные и такие же пляшущие красным и желтым. Сразу вспомнился мальчик с Ладоги. И сразу забылся. Потому что тут Даниил Андреевич верхние глаза узнал. У самой кромки колодца, отвесив вниз, в темноту, зажатую снегом руку, лежал Казаченко.

Глава четвертая

Сначала Адриан не собирался полицейского оставлять в колодце. Хотел посадить в машину, вывезти подальше в лес. Думал так: полицейские, если приедут – а наверняка приедут, после того как их брат пропадет здесь, – может, еще попробуют сами все закрыть, шума не поднимать. Кому оно нужно? Но потом решил, что труда много, а смысла нет. Во-первых, машину легко по следам в снегу найдут. Во-вторых, на полицейской машине в город возвращаться сподручней. И там, пока суть да дело, будет от нее польза. А еще лень было, и не потому, что рана в ноге тянула, а просто по-человечески ради полицейского мараться было лень. Поэтому кинул труп к остальным.

Малая сейчас ходила квеляя – он теперь давал ей плитки по чуть-чуть, – но во всем слушалась, не перечила и, главное, не шумела, не плакала. В этом смысле повезло Адриану с ребенком. Достался бы кто другой, наверняка бы уже по мамке хныкал. А эта ничего, подойдет, обнимет и стоит так просто, в грудь смотрит.

Припасы собрал, отнес в полицейскую машину, которую довел через лес до колодца. «Двоицу» взял всю, которую нашел, и еще прихватил из мастерской коробку с разными химикатами. Сам уже давно ни бомб, ничего другого не делал, но на то были Бабины инструкции, белые мятые листки, написанные от руки, которыми пользовались на занятиях старшие.

Еще собрал всю еду, напихал в багажник, две пятилитровые пластиковые бутылки набрал водой из бочки. Все еще не решил, куда из города поедет, но на всякий случай готовился сразу, не останавливаясь, проехать насквозь и ночевать, если что, в машине. Можно было бы, конечно, и вообще в город не заезжать, но тут была проблема. Денег отцовских Адриан не нашел. Ни в молельне, ни в домах, ни в мастерской, ни в отцовской комнате. Спустился даже в подвал с адской иконой, все стены простучал – не было нигде тайника. Икону, со злости, стал бить ружьем, смял одному из чертей лицо. Потом ногу прихватило, пришлось присесть. Сидел, смотрел на тухлую печку, опирался об икону, а из глаз текли слезы. Нога болела, драла кость и кожу, будто пыталась новой костью прорасти. Ухватил зубами изрезанное дуло ружья, завыл. На губах почувствовал кровь – то ли свою, то ли со вчера на ружье осталось, то ли сегодня, когда трупы таскал, подцепил.

Снова выйдя на улицу, сел на крыльце молельни. Солнце медленно катилось к горизонту. Пора было поджигать дома и ехать уже, вот только без денег ехать было некуда. Вспомнил про две машины – грузовик Юлика и еще отцовскую, спрятанную. Их не обыскивал. Обыскал – пусто. Думал сходить до кладбища, но пожалел ногу. Вряд ли отец стал бы там деньги хранить. Не в землю же он их закопал. Оставались две вероятности. Могло денег у отца не быть – Адриан даже зубами заскрипел от такой возможности. А могли деньги храниться в городе, в банке или у тех братьев, которые водили грузовики и налаживали доставку «Двоицы» в Петербург и дальше. Если деньги лежали в банке, то с ними можно было попрощаться. А вот с братьев стоило спросить. Они-то про то, что в Обители случилось, еще не знали. Наверняка кто-то сейчас был в городе, ждал Юлика с грузовиком. В общем, Адриан решил заехать на склады, а вот оттуда уже прямой дорогой вон из города.

Ева за мужем наблюдала из машины. Сама никогда раньше в машине не ездила и поэтому сначала не заметила даже, что муж делает. Разглядывала черную кожу сиденья, длинный, похожий на змею, ремень, карман на спинке сиденья перед ней, который, будто рот, щерился какими-то бумажками, смятым пластиковым пакетом и двумя прозрачными квадратами с дырками посередине. Про все хотелось расспросить, но Ева знала, что мужа лучше не отвлекать.

Тот дотащил до машины все вещи и ходил теперь по Обители, от дома к дому, с большой канистрой.

Небо уже потемнело, снова шел снег, и муж то появлялся в свете фар, то исчезал, и тогда в темноте мелькал свет фонаря, который он приладил к канистре. Ева очень хотела заглянуть на переднее сиденье, но муж сказал сидеть смирно, поэтому она выгибала шею, пыталась посмотреть на руль, на горящие рядом циферблаты.

Вдруг дверь машины распахнулась, внутрь влез муж. Влез с трудом, стараясь не давить на больную ногу. Ева села ровнее, приготовилась к поездке. Она плохо представляла себе, что именно сейчас произойдет. Машину водить умели только самые старшие, а значит, и ездить в машинах полагалось только им. Ева перекрестилась, покрепче сжала в руке ремень. Муж оглянулся и замер, вглядываясь куда-то в стекло у Евы над головой. Она медленно повернулась и увидела, что в окне ближайшего дома что-то светится, покачивается. Потом огонь плеснул в окно, и стало понятно, что дом горит изнутри. И второй тоже, кажется, занялся. Ева сразу вспомнила Бабину сказку про горящий дом и черного ворона, который спас из огня царевну. Вот, значит, как выглядел черный ворон – с ремнем, с рулем и циферблатами. Ева улыбнулась, потому что если машина это и был черный ворон, то она получалась царевна. Посмотрела на своего царевича – тот уже повернулся к дороге, дернул плечом, и машина сорвалась с места, понеслась по снегу, разрезая фарами темноту.

Еве снился черный ворон. Кружил черный ворон над землей, не садился на нее никогда, потому что был в душе бесатый, а значит, не мог по Божеской земле ходить. И часто летал ворон над одним горящим двором. В горящем дворе жил горящий царь – большой, бородатый, а борода дымится, стреляет искрами. И все тело у царя горело изнутри – из пор в его коже огонь выбивался струйками, сжигал все, к чему царь прикасался. Такая же у царя и жена была, царица, и такие же были дочери и сыновья, царевны и царевичи. Горели во дворе коровы, роняли вместо молока пар, взбивали расплавленными копытами обожженную землю, черную, и везде висела гарь, и лица у царевен от гари были черные, страшные. Много лет горел двор, много лет жил горящий царь, а над двором кружил ворон, все высматривал горящих людей, насмехался, ронял на них ядовитые слюны. И однажды, заметив старшего царевича, который ползал по земле на карачках, слетел совсем низко, чтобы царевича в обгоревшую спину клюнуть. Царевич только этого и ждал. Он давно приметил ворона, давно к нему приглядывался. Изловчился, схватил за пернатое горло, стал выкручивать. Ворон взмыл вверх, утащил царевича за собой, ободрал когтями. А царевич не сдавался, сумел оседлать ворона. Тот присмирел, спросил:

– Куда полетишь, царевич?

– К земле лети. – Царевич указал на любимую свою сестру, сдвинул бока ворона сапогами. Тот послушался, камнем упал во двор, у самой земли только крылья расправил. Царевич сестру свою, царевну, схватил и снова за горло ворона вверх, в небо потянул.

Снова спросил ворон:

– Куда полетишь, царевич?

Ворону больно, жгут его горящие царевич с царевной, дымятся его перья, бока провариваются.

– К церкви лети. – Царевич указал за лес, где в селе стояла церквушка, на куполе у которой торчал большой золотой крест. Ворон послушался, на крест голову повернул. Когда уже до креста рукой достать было, царевич руку вытянул, схватил крест, сорвал. Тот – чудо – не оплавился, не загорелся. Наоборот, на ощупь совсем холодный.

В третий раз спросил ворон:

– Куда полетишь, царевич?

– К морю лети. – Царевич ворона по бокам сапогами ударил, так что искры выбил. Ворону уже совсем тяжело лететь, перья сгорели, от крыльев одни кости остались, и те пеплом рассыпаются. Еле-еле дотянул до моря, а царевич спину ему крестом пробил, вышиб уголок сердца, и ворон сразу в море упал, а с ним и царевич с царевной. Царевна забарахталась, стала воду глотать. Царевич ее за руку схватил, на берег вытащил. Посмотрел, а царевна и не горит уже. Соленая морская вода из нее огонь вымыла. И сам тоже совсем без искр, без огня в теле. Обрадовался царевич, схватил царевну на руки, закружил.

Ева вдруг поняла, что ее и саму кружит. Открыла глаза и поняла, что уже не в машине лежит, а муж ее на руках несет к какому-то огромному дому. Ева попробовала до конца глаза открыть, но затылок слишком сильно в сон тянуло. Снова провалилась к царевне, царевичу и черному ворону.

Малая в машине сразу заснула, да и Адриана как-то клонило туда же, а спать было никак нельзя. На ночной дороге, в мороз надо было следить в оба. И так, выехав из-за поворота, чуть не врезался во встречную машину. Ничего не разглядел, но и так было ясно. Кто в ночь в Обитель поедет – только братья или полицейские. Братьям, пока Юлик не вернется, в Обитель ездить не полагалось. Значит, полицейские. Адриан еще чуть проехал на той же скорости, а потом вдавил педаль в пол, понесся так, что, если бы верил в Бога, молился бы не переставая. В Бога Адриан уже давно не верил, поэтому только скрипел зубами да тер свободной рукой ногу, чтобы не дай бог не свело.

Раз полицейские уже сейчас найдут трупы, значит, в городе будет сложнее. Не нужно в него заезжать, там план «Перехват» будет. Или наоборот. Лучше было в городе затеряться. На ночных дорогах одинокая машина сразу заметна. Понял, что сейчас решить не сможет. Нужно было еще ехать и ехать, решить уже на съезде с трассы. А сначала хотя бы до самой трассы выбраться, там вести машину будет проще. Адриан покачал головой, снова пожалел о том, что не просил старшего брата научить, как с болью справляться. А все потому, что матушка про Дмитрия всегда говорила: дар у него от Бога. Такому не учатся.

Вспомнил, как у матушки глаза ярко загорелись, когда он из колодца вылез. Ей и в голову не пришло, что за спасение сын перед ней не на колени бухнется, а шею свернет. А Адриану, наоборот, ничего другого в голову не пришло. Как увидел ее скошенную морду, кривую, сразу подумал о том, о чем в колодце думал каждый день. О том, что отцу бы только калечить. Жену первую, любимую, так покалечил, что та двадцать лет живет на полрта, будто пытаюсь побольше воздуха загрести. И детей ее не пожалел. Варлаама с этой дурой Софьей в Москву отправил. Дмитрия, дарованного, в нелюдя превратил. Злату сначала обрюхатил, потом бил, теперь вот глаза выжег – Адриан из колодца ее визги слышал. Поэтому Адриан сначала матушку добил, которая и так давно зря жила. Потом и сестру – не дай бог еще понесет, да и кому она такая калека нужна. Варлаама Господь уже прибрал, а вот про Дмитрия Адриан не знал. Жил где-то в Санкт-Петербурге брат Дмитрий. Вот только им с Адрианом было не по пути.

Пока шел к отцу, думал, что до него одного отец не добрался. И зря думал. Сумел отец ногу пробить, инвалидом не сделал, зарастет еще нога, но шрам оставил. Нога тут же о себе напомнила, снова потянула силы, болью попробовала глаза закрыть. Адриан нащупал ружье на соседнем сиденье, ударил кулаком по драному стволу раз, другой. Надо было боль, если не уходит, на свою сторону переманивать, под себя подстраивать.

Не заметил, как доехал до города. В нужных местах не свернул – не хватило трусости. Совсем даже не было. И почти сразу наткнулся на полицейскую машину. Стояла у края дороги, светила фарами. Один полицейский курил у колеса, другой что-то печатал в телефоне, поднес экранчик к самому лицу. Адриан переложил ружье себе на колени, приготовился, что сейчас остановят. Нужно будет сразу из машины выйти, и двумя ударами – сначала стоящего, потом

прямо через окно машины второго. Адриан не знал, хватит ли ему силы пробить окно. Можно было вдавить педаль и гнать дальше. Но нет, проще этих двоих разорвать, чем потом от толпы отбиваться. Постарался не сбавлять скорость заранее, не нервировать.

Стоявший полицейский только посмотрел на номер, отвернулся. Тот, который сидел в машине, даже не поднял головы. Адриан посильнее схватился за руль. Значит, никакого плана не объявлено, никто его не ищет. Почему? Рука сползла с руля к ружью. Адриан медленно повел машину к тротуару, остановился. Тело уже настроилось, полицейские в голове уже умерли, и вот они были прямо за спиной, у светофора. Один стоит, второй сидит, как будто он их только что не убил. Даже голова заболела от такого несоответствия. Адриан знал, что полицейские уже мертвы, сам их приговорил, как когда по Обители бродил, забивал братьев и сестер. Знал, что бьет уже мертвых. И вот они дышат, вон виден пар изо рта, моргает экран телефона. Адриан посмотрел на спящую малую, зажмурился. Потом развернулся к рулю. Повел машину дальше. Надо было поскорее добраться до склада и поговорить с кем-нибудь из братьев. А мертвые полицейские могли еще побродить.

Когда доехал наконец до здания склада, малая еще спала. Он хотел ее растолкать, но задел ногой дверь, когда вылезал из машины, и чуть не взвыл от боли. Решил, что малую в руках понесет, ноге назло. Потому что спускать боль нельзя, терпеть нельзя. Матушка терпела, Злата терпела. Бабское дело – терпеть. Достал малую, прижал к себе, почувствовал, как у нее сердце бьется, и сразу как будто стало легче. Боль чуть отступила. Адриан вздохнул и пошел, опираясь о ружье, одной рукой удерживая малую у груди. Свет в доме не горел, но это было неважно. Кто-то из братьев должен был быть на месте, обязан был. Адриан дышал тяжело, чувствовал, что по лбу катится пот, но все равно малую не отпускал. Не сдавался. Надо было дойти, а там уж братья ему и ногу нормально обработают, и накормят. Они, правда, тоже были уже мертвые, но Адриан как и с полицейскими решил. Мертвые и мертвые, пускай пока ходят.

Глава пятая

Телефон тихо завибрировал по столу, и митрополит подобрал его, переложил к самому краю, нажал сначала кнопку «Принять звонок», потом громкую связь.

– Слушаю, – сказал. Звонил Даниил Андреевич из МВД.

– Здравствуйте, владыка. – Голос полицейского, кажется, подрагивал. Или связь в лесу была слабая. Продолжая слушать, митрополит открыл книгу, пере-листнул пару страниц, развернул вклеенную карту об-ласти. Подобрал со стола карандаш, навел его на нужную точку.

– Здесь пожар, – сказал Даниил Андреевич. – Горят три дома и сарай.

– Кто-нибудь угорел? – спросил митрополит. Он уже сложил карту, развернул другой вкладыш – список монастырей, приходов, приютов, детских домов и церковных лавок. Даниил Андреевич, да и любой другой полицейский или чиновник, удивился бы, увидев этот список. Строчек в нем было много, не меньше трех сотен, и рядом с каждой стояли маленькие пометки. Кружки, квадратики, крестики. Красный карандаш проскользил вверх по списку, ткнулся в третий пункт: «Братская Обитель». В строчке Обители было много значков, и строчка была старая – на бумаге остались следы ластика, пометки красной, зеленой и синей ручками. Десяток зачеркнутых кружков, пара зачеркнутых квадратов и много незачеркнутых фигур.

– Нет, – сказал Даниил Андреевич так, как будто вопрос застал его врасплох. – Но здесь другое... Здесь нет выживших. Здесь бойня была.

– Где тела? – спросил митрополит. Даниил Андреевич помолчал. Молчал и митрополит. Карандаш замер у буквы «Б», ткнулся в бумагу.

– В колодце, – сказал наконец Даниил Андреевич. – Тут колодец посередине, в нем тела. Не знаю, все ли это, но больше мы людей не нашли... И Казаченко тоже тут. Мертвый.

– Выжившие? – спросил митрополит.

– Да нету вроде... – Даниил Андреевич мялся. – Но кто-то ведь это сделал. Мимо нас машина в город проехала, минут двадцать назад. Я думаю, надо план «Перехват» объявлять. Машина полицейская, казаченковская, мы ее быстро найдем.

– Жди, – сказал митрополит. Карандаш вычеркнул «Обитель» из списка, нарисовал рядом крестик. Из телефона донеслось тяжелое дыхание Даниила Андреевича. – Езжайте в город, – сказал митрополит.

– А как же... – Даниил Андреевич осекся, замолчал, потом добавил уже увереннее: – Вас услышал. Сейчас поедem.

Митрополит закончил звонок, снова провел карандашом по списку. Карандаш остановился сначала у строчки Успенского мужского монастыря, потом у приюта Варвары на Ладого. Митрополит разблокировал телефон, пролистал книгу до телефонных номеров, набрал один.

– Владыка, – отозвался игумен Успенского. – Доброй ночи.

– Доброй, – сказал митрополит. – Пришли сейчас четырех сильных парней сразу по адресу.

Телефон оставил лежать, а сам разблокировал компьютер, нашел там беседу с игуменом, в книге выследил координаты Обители, вбил их, отослал.

– На чем выслать? – спросил игумен. – И что им с собой взять?

– Вербки, – сказал митрополит. – Лопаты, багор, фонари.

Отключился, набрал следующий номер.

– Владыка, – ответила сестра и сразу перешла на семейный тон: – Что посреди ночи будишь?

Звучала она, как всегда, недовольно и зло.

– Поедешь сейчас в Обитель, – сказал митрополит. – Там встретишь монахов Успенского. Вместе разгребете тела из колодца, пройдешь по списку, посмотришь, кого не хватает.

– Тела? – спросила сестра. – А сам, что ли, не может?
– Не может, – сказал митрополит. – За тобой машина приедет.
– Сама, – сестра сплюнула, крикнула в сторону: – Эй, дура, вставай!
– На погребение не приеду, – сказал митрополит. – С Успенским договоритесь.
– Договорюсь. – Сестра шуршала какой-то тканью, хрустела костяшками пальцев. Тише сказала и не так зло: – Значит, доигрался, дурной, всегда говорила...

Митрополит сбросил и этот звонок. Снова перекинул пару страниц слева направо, набрал третий номер.

– Алло? – Министр вряд ли спал, скорее задремал за рабочим столом и не посмотрел на экран телефона, когда принимал звонок.

– В одном монастыре несчастный случай произошел, – сказал митрополит. – Много людей погибло. Твой Даниил нашел. Ему благодарность.

– Который монастырь? – спросил министр. – Не Свято-Троицкий?

– Малый, – сказал митрополит. – Погорел. Там монахи из Успенского разберут погибших, устроят в Успенском же тихое погребение.

– Понятно. – Министр наверняка включил компьютер. По крайней мере, в трубке раздался шелест клавиш.

– Там еще полицейский погиб, – сказал митрополит. – Казаченко, Данилин помощник.

– Казаченко погиб? – Только тут в голосе министра прозвучала заинтересованность. – Как так?

– Всякое бывает, – сказал митрополит. – Его тело передадим через вас. Завтра монахи привезут.

– Подождите. – Министр окончательно проснулся, постучал чем-то по столу. – Так не пойдет. Я пришлю к вам следователя, он пускай все осмотрит.

– Не нужно следователя, – сказал митрополит. – Монахи сами разберутся. Дело церковное.

– Иосиф Владимирович. – Министр заговорил громче. – Казаченко – сотрудник органов. Его смерть мы будем расследовать.

– Нет, – сказал митрополит. – Сейчас не будете. Получите труп – расследуйте. А сейчас на святом месте искать нечего.

– Я... – Министр хотел, наверное, еще много чего сказать, но митрополит оборвал звонок. Открыл в книге отдельную обительскую страницу, стал с нее перебивать в чат с сестрой список братьев и сестер. Если Серафиму и собственного брата она должна была помнить, то остальных опознать могла только по описаниям. А в книге про каждого значился возраст, цвет волос, цвет глаз, у кого есть – приметы, родинки, уродства, шрамы. Печатал митрополит неспешно, отправлял строчки по одной. Сестра читала, но не отвечала.

Она в этот момент вела машину. В прошлом году брат перегнал детскому дому бордовый джип, на замену старому внедорожнику, который Варвара, в свою очередь, отдала приюту Марии. Приют Марии располагался еще дальше по берегу на север, и до него вообще дороги не было, машину с трудом переправили через просеки. Марии внедорожник был нужен для того, чтобы перетаскивать бревна. Ни в какой город она не ездила уже пятнадцать лет.

Варвара в города ездила. И в близкую Питкяранту, и в Петрозаводск. Во-первых, за гуманитарной помощью, которую монахи собирали в Свято-Троицком. Во-вторых, Варвара возила по приютам детей – она единственная, кроме Иосифа, знала каждый дом, каждую матушку, умела без карты, без бумаг назвать, сколько у каждой детей, какого возраста и кто чем болен. Брат хранил в голове всю область, поэтому пользовался книгой. Варвара хранила только детей и помнила их сердцем, каждого поименно. И про Обитель, в которую ехала сей-

час, могла с точностью назвать всех, кто там жил. Список иосифовский ей был не нужен – зря брат думал, что Варвара про Обитель ничего не знает.

В городе она встречалась с Юлием, с Адрианом, с Варлаамом, со многими братьями и каждого расспрашивала о том, кто в Обители родился, кто умер. Обительские братья, известные своей нелюдимостью и закрытостью, Варваре все рассказывали, потому что совсем ее не боялись. Выглядела Варвара в мире совсем не так, как ее запомнил Даниил Андреевич, однажды навещавший ее дом на Ладого. Лицо ее, суровое с детьми, становилось благостным, тело все будто обвисало, расслаблялось, сливалось с тканью нечистого платья. Варвара сразу старела, лицо все покрывалось складками, а морщины из суровых растекались в усталые, все повидавшие.

Делала Варвара это не специально. С детства впитала, что мир есть большой и маленький. В большом мире правили братья: старший, Иосиф, служил митрополитом, младший – правил собственным монастырем, а значит, числился игуменом, даже если титула не носил. В маленьком же мире, в своем приюте, правила Варвара – воспитывала семерых детей. Иногда детей было меньше, иногда больше. Они появлялись в избе, потом исчезали, но про каждого Варвара помнила, где он теперь, чем занят. Так же, она знала, думал о своих детях и брат-игумен. Его и в Обители звали так – Отец. Потому что каждый мужчина по сути своей отец и муж.

Джип был очень послушный и ехал быстро, поэтому на место Варвара приехала раньше монахов из Успенского. Машину поставила так, чтобы фары на колодец указывали, хотя во дворе и так было светло от горящих досок. Крыши домов уже прогорели, обвалились, и только молельня еще стояла, обожженным скелетом подпирала небо. Варвара подошла к колодцу,глянула внутрь. Перекрестилась, сплюнула, поскрипела пальцами. Руки у Варвары были сильные, большие. Схватила верхнего человека в колодце, потащила наружу. Потом второго. Дальше без помощи было не обойтись. Надо было ждать.

Полчаса спустя в лесу раздался звук мотора. Рядом с джипом затормозила машина попроще, побитая «буханка». Из нее вышли монахи. Четыре молодца, одинаково суровые, хмурые, готовые к трудной работе. Двоих Варвара знала – самый высокий, губастый парень у нее в приюте два года прожил. Другой, с кривым, будто смазанным лицом, жил у Марии.

Все подошли, поздоровались.

– Благословишь, матушка? – спросил высокий. Варвара его по лбу ударила – не в благословение, а чтобы не думал к ней как к настоятельнице обращаться. Парень понял, голову приклонил.

– Из колодца тащите багром, – сказала Варвара, осмотрев инвентарь «буханки». – Потом один кто спустится, будет веревкой обвязывать тела, остальные вытянут.

– Там до дна тела, что ли? – спросил один из монахов. – Что ж здесь случилось?

Варвара только тут поняла, что монахи на колодец смотрят со страхом, будто там не человеческие тела, а лично сатана восседает. Даже не знала, что им сказать.

– Тела доставайте, – сказала. – Раскладывайте тут.

Сама встала к джипу, ждать. Опознавать, сверяться со списком в сердце собиралась после, когда всех достанут, и не потому, что не хотелось лишний раз на трупы смотреть. Просто по одному разглядывать долго, а проку никакого. Лучше было пока стоять, думать.

Уже светало, когда в лесу вдруг снова раздался шум мотора, причем на этот раз не одного, а многих, будто в лес съехались с области все «буханки». Монахи заборачивались, но Варвара рукой показала им, чтобы дальше работали. Тел вытащили уже много, но еще не все, в колодце до дна было пока не достать.

Сама Варвара обошла джип, вышла на прокатанный снег. Через лес к ней ехали две полицейские машины, за которыми тащился полицейский же УАЗ. Варвара встала поперек снега, скрестила на груди руки. До последнего ей казалось, что машины так и не остановятся, но наконец первая затормозила, и на снег тут же выпрыгнул молодой мужчина с выточенным, неприятным лицом. Он был в форме и руку сразу положил на кобуру.

– Что здесь происходит? – Мужчина пошел на Варвару. В его руке откуда-то взялась маленькая красная книжка.

– Не ваше дело, – сказала Варвара. – В город езжайте.

Мужчина оглянулся на машины, махнул рукой. Из машин на снег стали выбираться мужчины в форме. Варвара отметила у двоих автоматы Калашникова. Будто им тут трупов было мало.

– Здесь монахи Успенского монастыря, – сказала Варвара. – По настоянию митрополита.

– А это группа специального назначения, – сказал мужчина, который, наверное, назывался следователем. Красную книжку он сунул Варваре, но она даже смотреть не стала. – Или вы сейчас отсюда уезжаете, или можете в машине подождать, – сказал следователь. – Вот Вадим с вами постоит.

Он кивнул на одного из автоматчиков.

– Тела из колодца сами доставать будете? – спросила Варвара. – Который из ваших вниз полезет?

Следователь сплюнул, попытался обойти Варвару, но она сделала шаг в сторону, набычилась. Ее лицо, и до этого неприветливое, стало красным.

– У меня приказ, – сказал следователь. – Это место преступления.

– У меня приказа нет, – сказала Варвара. – Не пущу.

Следователь некоторое время ее разглядывал, потом заговорил тихо, так чтобы остальные не слышали.

– Меня пустите, – сказал он. – Ребятам пока скажу здесь подождать.

Женщина смотрела зло. Костя уже понял, что спорить с ней смысла нет. Нужно или сейчас приказать ее в машину сунуть, или договориться. Совать никого в машину ему не хотелось, и не потому, что ссориться с церковниками не стоило. Костя церковников не боялся и особенного уважения к ним не испытывал. Но он испытывал большое уважение и к своей форме, и к своей работе. Женщина перед ним была нездоровая и неопасная. Нужно было убедить ее, что следователь приехал не ее и ее монахов наказать, а разобраться, что случилось с Казаченко, полицейским, которого в отделе любили и за которого каждый готов был горой стоять.

– Там у вас полицейский лежит, – сказал Костя. – Мой товарищ. Допустите к нему.

Отсюда было не видно, правда ли там лежит труп или где-то еще, но, судя по тому, что женщина сразу не ответила, Костя угадал правильно. И содрогнулся, потому что до этого момента смерть Казаченко реальной не казалась. Он же в монастырь поехал, не браконьеров ловить.

– Полицейского посмотреть можно, – сказала наконец женщина. – Сейчас позову, его принесут.

– Мне бы на месте посмотреть, – сказал Костя и специально сделал шаг назад, как бы и не пытаюсь надавить на женщину. Та еще подумала. – Вы мне все покажите сами, – сказал Костя. – А потом я позвоню и получу у митрополита разрешение на то, чтобы оградить территорию. Позвоню при вас.

Женщина молчала. Костя мысленно стал считать до ста. Ему повезло – в своей карьере он почти не сталкивался с вот этой каменной церковной стеной, с людьми вроде этой женщины, которые готовы были грудью встать, чтобы скрыть от полиции любые преступления. Им было неважно, что расследуют не их, что их не подозревают в убийстве. Это было различие пред-

ставлений о том, как устроен мир. Как он разделен на мирской и церковный. Биться об эту стену смысла не было, нужно было или ломать ее, или находить лазейку, дверь, обход.

– Сейчас звоните, – сказала наконец женщина. Костя вздохнул. Никакому митрополиту он звонить не собирался. Во-первых, потому что митрополит для него не являлся ни начальством, ни авторитетом, а во-вторых, потому что Даниил Андреевич, когда отдавал указания, сразу сказал, что это прямая команда от главы МВД республики, который вообще такими вещами заниматься не должен. Тут важным было даже не то, что приказ шел прямо от министра, а то, что в отделе все знали: к митрополиту Даниил Андреевич относится с теплотой и уважением, сам же направил по его просьбе Казаченко в монастырь. Ночью в верхних эшелонах управления республики произошло что-то такое, что теперь Даниил Андреевич просил с митрополитом в переговоры не вступать.

Костя предполагал, что эта история подорвала и до того не самые приятные отношения МВД и митрополита Иосифа, – и ему, Косте, предстояло быть в самом центре назревшего конфликта. Очень не хотелось стать тем, на кого при вероятном будущем примирении повесят все грехи. А Костя понимал, что так все и будет. Структуры такого размера не умеют долго существовать в противостоянии. Неровности в отношениях будут затерты, обиды – забыты или прощены. Тут важно было не оказаться одной из неровностей.

– Вадим. – Костя обернулся. – Женщину в машину. Остальные со мной. Всех встречающих мордой в землю.

Тут впервые лицо женщины исказилось – и сразу стало понятно, что злой раньше она не выглядела. Теперь только в ее лице проступила настоящая ярость. Она бросилась на Костю. Он сделал шаг в сторону, дал Вадиму принять ее на руки. Специально попросил его, и не только потому, что надеялся, что калашников на женщину немного подействует. Вадим к арестантам относился лучше других. Вот и сейчас женщину с силой развернул, но бить в спину не стал, просто завел руки за спину, быстро сковал.

– Давайте. – Костя махнул рукой за машину, туда, где виднелся дгорающий остов какого-то узкого здания.

Монахи, одинаковые парни, стоявшие у колодца, сопротивления не оказали, сами опустились на колени, завели руки за головы. Полицейские к ним не подошли – каждый, выходя к колодцу, замирал, глядя на двор. Костя и сам остановился, поморгал. Рядами, прямо на протаявшем снегу, лежали голые люди. Взрослые и дети, измазанные в крови. Один из полицейских вдруг закашлялся, согнулся пополам, остальные же просто смотрели на трупы, на монахов, на колодец, в который была опущена веревка.

– Чего там? – донеслось из колодца. – Эй!

– Кто там? – спросил Костя у одного из монахов. Тот не поднимая головы ответил. Оказалось, что один из монахов спустился в колодец, чтобы обвязывать тела веревкой.

– Поднимайтесь, – сказал Костя монахам. – И этого вытаскивайте.

Монахи послушно стали тянуть вверх веревку.

Костя стер со лба пот, сделал шаг в сторону трупов. И сразу увидел Казаченко – тот лежал на спине, смотрел в белеющее небо. Костя опустился рядом на колено, хотел прикрыть труп глаза. В последний момент проморгался, вытащил из кармана резиновые перчатки. Трупы и так уже достаточно трогали.

Подозвал специально прихваченного с собой судмедэксперта. Тот лучше остальных справился с увиденным и сразу подошел, тоже опустился к трупу.

– Значит, так, – сказал Костя. – Начинаешь с Казаченко, а дальше проходишь по всем, составляешь списком, кратко, чтобы мы могли в управление отправить. Про Казаченко сразу мне скажи.

Костя и сам мог бы осмотреть труп, но голова от вида мертвых тел шла кругом, а главное, нужно было разобраться с монахами, которые пока не буянили, но могли в любой момент начать.

Те как раз вытащили из колодца товарища. Это оказался неприятный молодой человек с пугающим, скошенным лицом.

– Так. – Костя подошел к монахам. – Значит, вашу начальницу мы арестовали. Ее отвезут в город. Вы можете по-мирному с нами поехать, можем силой забрать. Мне никого силой забирать не хочется.

Монахи закивали. Тот, который только что вылез из колодца, неприятно улыбнулся:

– Нас вы увезете. А кто вам оставшихся достанет?

Костя сделал шаг к колодцу, заглянул внутрь. Дно было темное, не разглядишь. Пахнуло из колодца так, что Костя сразу отвернулся, прикрыл лицо рукой.

– Там много еще? – спросил он.

– Две бабы, – сказал монах. Костя теперь смотрел на него иначе. Он с трудом представлял себе, какой человек мог бы так спокойно там внизу находиться, тем более что-то делать. И это им всем еще повезло, что трупы нашлись зимой, к тому же были свежие. Полежи они в колодце летом, и уже через пару часов тут стоять было бы невозможно.

– Спустишься вниз, – сказал Костя. – Этих двоих тоже достанешь. Только перчатки надень.

Глава шестая

Элеонора не стала приглашать детективку к себе, потому что квартира была не убрана. То есть Элеонора ее, конечно, убрала, но и в убранном виде квартира показалась ей совсем неприличной. Даже офис и архив, которыми Элеонора гордилась, выглядели бедно, потому что обои на стене разошлись, и за ними виднелась серая стена, а паркет в двух местах треснул и немного вздулся. В обычной жизни Элеонора об этом не думала, но каждый раз, когда в обычной жизни вдруг появлялись другие люди, сразу начинала переживать, что им что-то не понравится.

– Я сняла номер в хостеле, – сказала детективка. – Кажется, отсюда вверх по улице и налево?

– «Теплый», – сказала Элеонора. – Хорошее место. Прямо напротив полицейского участка.

Детективка посмотрела на нее настороженно, как будто пытаясь понять, шутит Элеонора или нет, поэтому она поскорее добавила:

– В смысле, там окна на участок. А место правда хорошее и не слишком дорогое.

Мишка не особенно разбиралась в деньгах, потому что раньше ими всегда занималась бабушка, а теперь соседка Вера. Номер в хостеле здесь тоже заказывала Вера. Но даже Мишке было уже понятно, что ничего слишком дорогого в Петрозаводске она не встретит.

В кафе на проспекте, в которое ее повела Эля, цены вначале показались ей шуточными, а когда официантка принесла еду – прекрасную, гораздо лучше московской, рыбу, – так и вообще издевательскими.

Журналистка смотрела на Мишку странно и говорила странно, как будто оправдываясь сразу за весь город. За время прогулки она успела рассказать очень много всего, и Мишка понимала, что теперь ее очередь, поэтому поела быстро и, поставив перед собой чашку с чаем, стала объяснять, зачем приехала в Петрозаводск.

Элеонора слушала детективку очень внимательно, потому что та рассказывала крайне интересные вещи. По ее словам, где-то в лесах за городом располагалась Обитель, место обитания странных людей с татуировками на шее, которые развозили по России необычный наркотик – «Двоицу». Детективка говорила короткими плотными предложениями, будто сообщая факты из энциклопедии, и вначале Элеонора с трудом отслеживала ход ее мысли, но к концу рассказа оказалось, что информацию детективка разбила на довольно осмысленные блоки, и все вместе в голове они складывались в ясную картинку.

– Я думаю, что Оса, – детективка всех участниц своего расследования называла по прозвищам, – взяла с собой фотографию из Обители в качестве сувенира. Вряд ли она с самого начала хотела оттуда сбежать. Хотя все может быть, теперь уже не узнаешь...

Она замолчала. Элеонора эту фотографию, перекочевавшую из Обители в Москву, потом в Петербург, изучила уже вдоль и поперек. Три человека: мужчина, женщина, мальчик. Еще из Санкт-Петербурга детективка попросила Элеонору перебрать все выпуски газеты «Вестник республики», в которой фотография нашлась. Элеонора очень старалась. В пыльном архиве по одной просматривала каждую страницу, каждую фотографию в газете, надеялась где-то еще увидеть одно из лиц или фамилию Тарасовы. Отдельно отложила все статьи Григория Соловья, который, по всей видимости, и сделал эту фотографию, – а статей тот успел написать много. Про открытие кирпичного завода, про летовстречание, День города, долгострой «Спартак», утверждение герба, переименование ПетрГУ и создание там же кафедры правоведения.

Интервью и жизнеописаний, похожих на то, к которому прилагалась фотография Тарасовых, было еще больше. Соловей успел за свою недолгую карьеру в «Вестнике» поговорить с сотнями людей: он писал о рыбацкой жизни и о школьных учителях, о городской администрации, о Петрозаводске-Товарном. Среди его интервью были беседы с тогда только что избранным мэром Катанандовым, с председателем Союза художников Чекмасовым, с архимандритом Успенского монастыря Иосифом (Ле́совым).

Элеонора пыталась представить себе, что бы подумал Григорий Соловей, если бы оказался сейчас в Петрозаводске. Катанандов пробыл мэром города до начала двухтысячных, а потом еще десять лет возглавлял всю республику. Чекмасов, которому в тот момент как раз исполнилось пятьдесят, был жив до сих пор. Элеонора сама писала небольшую заметку о его семидесятипятилетии, снимала выставку его картин. Иосиф всего через год после интервью Соловья стал епископом Петрозаводским, еще через двенадцать лет – архиепископом, а когда в две тысячи десятом году была образована митрополия – и митрополитом.

– Я просмотрела все твои сканы, – сказала детективка. – И вроде ничего особенного не заметила.

– Какие сканы? – Элеонора заморгала, потом вспомнила про работу в архиве, кивнула. – Я вроде тоже. Но я еще вот что нашла, не успела вчера послать.

Она достала телефон, нашла нужное видео, показала детективке.

На Мишку с экрана смотрел какой-то мужчина с постным лицом. Он что-то говорил, но звук журналистка не включила. Видео было очень старое, по низу экрана проползла строка: «Реформа ценообразования в действии». Ниже, под видео, выложенным на канале «Телеархив Карелия. Петрозаводск», был текст: «Карелия. Новости. 1991. Реформа ценообразования, О. Сольчук, Б. Савельев, Г. Соловей».

– Он работал на ГТРК «Карелия», – сказала Эля. – Видимо, в качестве редактора. А это значит, что нужно еще рыться в видеоархивах. Я на ютубе нашла пару выпусков, все про путч и вокруг. Остальные нужно нарыть...

– Нужно, – согласилась Мишка. – Если они про Обитель что-то сняли, это обязательно нужно найти.

– Кроме того, – Эля закрыла ютуб, открыла вконтакте, – у Соловья, очевидно, были родители. Я считаю, что нашла его брата.

Она показала Мишке страничку мужчины. На аватарке он был изображен с удочкой в руке, опирающимся о борт зеленой лодки. Валентин Соловей. Петрозаводск. День рождения: 07.05.1973.

– Я проверила, – быстро добавила Эля. – Сегодня утром как раз, пока тебя ждала. Они оба Евгеньевичи. И в школе на три класса младше Григория учился Валентин Соловей. У той же классной руководительницы Серафимы Тарасовой.

Мишка не знала, как ей ответить. Было странно хвалить женщину, которая уверенно годила ей в матери. Поэтому Мишка сдержанно кивнула – и, судя по тому, как Эля улыбнулась, поступила правильно.

– Я решила, что мы ему напишем, уже когда ты приедешь, – сказала Эля. – Я могу сказать, что работаю сейчас в «Вестнике» и составляю историю газеты в честь ее сколько-то-летия. Поэтому исследую биографии всех журналистов. Хороший вариант?

– Хороший, – согласилась Мишка. – Напиши сейчас, а я пока займусь поиском архивов.

Для начала Мишка прошерстила википедию и сайт ГТРК «Карелия». Для того чтобы что-то искать в гугле, нужно было сначала найти все возможные ключевые слова: названия передач, имена ведущих, годы и время трансляций. Все это Мишка выписывала в блокнот, иногда поглядывая на Элю, которая задумчиво печатала в телефоне.

В «Лабиринте» написала Вера, и Мишка отвлеклась, пытаясь понять, как ответить. С одной стороны, она уже очень скучала по соседке, а с другой – боялась, что если сейчас втянется в разговор, то потом не сможет вернуться к работе. В конце концов ограничилась коротким: «Разбираемся с архивами сейчас. Я тебе сразу после напишу, хорошо? Как ты себя чувствуешь?»

Последний вопрос добавила, несмотря на то что думать о полученной Верой травме не хотелось совершенно. Вера пострадала из-за того, что Мишка недостаточно быстро думала и действовала слишком самоуверенно, и за это теперь приходилось расплачиваться стыдом. Мишка прикрыла глаза, быстро, беззвучно пробормотала:

Господь, успокой мысли, и наставь, и прости мне гордость и самоуверенность, прости, что подставила сестру Твою Веру. Береги ее, охраняй и дай ей знать, что я очень ее люблю.

– Написала. – Элеонора показала детективке экран с отправленным сообщением. – Так что давай теперь вместе искать.

Детективка смотрела как-то напряженно, и Элеонора тут же бросилась осматривать себя. Пиджак был вроде в порядке, рубашка тоже, хотя на воротничке появилось пятнышко, которое Элеонора тут же стерла пальцами.

– Ты говоришь на карельском? – спросила детективка. Элеонора покачала головой, потом кивнула. Она умела разбирать карельский и немного на нем писать, но вряд ли смогла бы что-то сказать.

– Просто здесь есть новости на карельском, – сказала детективка. – У них, мне кажется, очень полный архив. Ты могла бы их посмотреть?

Элеонора снова кивнула. Ее телефон завибрировал ссылкой. Она открыла плейлист, промотала вниз. Кто-то, видимо, решил собрать все, что выходило на карельском языке в истории телевидения. Элеонора заметила вырезки из финских передач, какие-то случайные интервью. Совсем не у всех стояли даты или хотя бы чуть-чуть внятные описания.

– Как ты думаешь, тут можно сидеть долго? – спросила детективка, оглядывая кафе.

– Можно сколько угодно, – сказала Элеонора. – Ты еще что-то хочешь заказать?

– Нет, – сказала детективка. – Может быть, кофе чуть попозже.

Элеонора достала наушники и включила первое видео.

Мишка быстро погрузилась в Петрозаводск начала девяностых. Толстые куртки, водолазки – она подумала о том, что и сама со своей жилеткой могла бы неплохо вписаться в длинные очереди и неясные митинги. Веселые парни и девушки с высокими прическами шли мимо ларьков и строек по разбитому асфальту. Странно звучали голоса дикторов – напряженно, будто даже испуганно. Председатель Совета министров, поминутно поглядывая на зажатый в руках лист, пытался объяснить происходящий в столице путч; председатель исполкома Петрозаводского горсовета народных депутатов призывал людей сохранять спокойствие. Мишка быстро выписывала в блокнот фамилии и должности. Не потому, что ожидала, что кто-то из этих людей окажется важным для расследования, а по привычке. Чем больше она могла собрать информации сейчас, тем больше была вероятность, что потом удастся заметить что-то важное, особенно если Обитель была хоть как-то связана с местной администрацией или полицией.

Еще в архиве было много видео про церковь. Службы, две пресс-конференции, на которых священники сидели рядом с мужчинами в костюмах, и одна постоянная передача – «К Рождеству», которую митрополит Иосиф, судя по архиву, записывал каждый год с девяносто первого по девяносто девятый год. Передача была длинная, по сорок минут на выпуск, и Мишка посмотрела ее чуть-чуть, просто чтобы примерно представлять себе тон митрополита.

Это был тучный хмурый мужчина с большой черной бородой. В передаче он сидел на стуле, и сидел немного странно, боком, так что его левая рука была не видна. Говорил звучным, рычащим голосом, но спокойно, почти без интонаций, так что вначале этот голос будто

отфильтровывался и совершенно не застревал в голове. Мишка по опыту знала, что это иллюзия. Наверняка, если к нему привыкнуть, голос набирал полноту и начинал казаться сочным, объемным. Митрополит произносил обычный текст подобных обращений: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся...», «Как быть кроткому человеку? Как сосуществовать с другими людьми?...», «Добро, оно в основе, а зло, зло существует относительно добра, за счет добра...» Мишка оставила передачу на будущее – сначала можно было порыться в более перспективных записях.

Более перспективными записями ей показалась передача «Моя Карелия», серия репортажей об обычной жизни области. В одном маленьком ее фрагменте, в описании, редактором был указан Г. Соловей. Мишка посмотрела видео про лодочную станцию, про легкоатлетов, про шахматный турнир. Время шло.

Дважды Элеонора заказывала кофе, и каждый раз кружки почти мгновенно возникали на столе. В какой-то момент журналистка достала пауэрбанк, и они с Мишкой по очереди стали заряжать от него телефоны.

Когда за окном начало темнеть, Мишка отложила телефон и протерла глаза. В кафе они просидели целый день, и пока что ничего ценного ей найти не удалось. Эле, кажется, тоже. Мишка чувствовала, что журналистка и так очень переживает, поэтому опасалась спрашивать ее о результатах работы. Вместо этого она открыла меню, стала выбирать ужин.

– Ой... – Эля всплеснула руками, и ее телефон полетел по столу, упал Мишке на колени.

– Что такое? – Мишка в первую секунду испугалась, но журналистка расплылась в улыбке, замахала руками. Мишка протянула ей телефон, и та быстро перемотала видео, которое только что смотрела, начала его заново. Мишка следила за ее губами – Эля все время бормотала под нос, когда смотрела что-то на карельском. Сейчас ее губы двигались очень быстро, а пальцы свободной руки стучали по столу.

– Что там? – не выдержала Мишка.

– Это интервью. – Эля положила телефон на стол, развернула к Мишке. – С женщиной, которая пытается организовать частный детский приют. Девяносто третий год.

– Так? – Мишка нажала на экран, и женщина задвигалась, ее рот беззвучно открывался – Элины наушники все еще были воткнуты в телефон. Первым делом Мишка отметила, что никогда раньше эту женщину не видела. Она была совсем не похожа на Серафиму Тарасову с фотографии. Во-первых, она была лет на десять старше. В девяносто третьем Серафиме должно было исполниться тридцать лет, на фотографии она выглядела примерно на этот возраст. Женщине на видео же было ближе к пятидесяти. Во-вторых, женщина была маленького роста, узкая в плечах, с небольшим, сурово насупленным лицом. Было видно, что она привыкла хмуриться: это лицо отражало ее общее настроение, а не отношение к теме.

Мишка поняла, что разглядывает экран телефона так пристально, что Эля просто не решается продолжать.

– Что она говорит? – спросила Мишка.

– Она говорит: карелам не дают нормально усыновлять детей, потому что документы все на русском, – сказала Эля. – И жалуется, что в России нет практики частных детских домов, а только усыновление.

Мишка кивнула, чтобы не перебивать. Женщина на видео тем временем показывала оператору мостки с лодками.

– Она тут рассказывает, что русским хотя бы церковь помогает. – Эля поставила видео на паузу, перемотала назад, чуть-чуть послушала. – И рассказывает, что вот ее русской подруге удалось сразу усыновить двоих, когда она захотела. И брату подруги тоже удалось организовать... Тут странное слово, что-то вроде «лесной дом, в котором детей воспитывают».

Женщина на видео замолчала, покивала, потом помотала головой, будто засмушалась.

– Тут ее журналист спросил, можно ли посмотреть вот этот лесной дом и как его хозяина зовут, – сказала Эля. – И тут она будто спохватывается, говорит, что не знает и что зря про него сказала. Говорит, человек доброе дело делает, и его пускай не трогают.

В видео камера переключилась на студию, и Эля поставила его на паузу.

– Ее имя там есть? – спросила Мишка.

– Мария Селуева, – сказала Эля. – Вначале ее представляют. Это маленький фрагмент из большой передачи про карельский язык – я дальше посмотрю сейчас, вдруг там еще что-то будет.

– Давай, да. – Мишка уже вбивала в поиск «Мария Селуева». «Мария Селуева + Тарасова». «Мария Селуева + Серафима Тарасова». Ничего подходящего. Только по запросу «М. Селуева, приют» гугл вдруг выдал ссылку на заархивированную версию сайта Карельской епархии. На странице перечислялись благотворительные фонды, и в списке попечительниц какого-то фонда «Ладожье» между «В. Лесова» и «С. Трофимов» значилась «М. Селуева». Мишка взялась за поиск информации о фонде.

Карельский Элеонора начала учить еще в школе. Съездила с классом в Санкт-Петербург и Москву и поняла, что хочет всю оставшуюся жизнь провести в Карелии. Она не могла объяснить это решение своим друзьям, многие из которых уехали из Петрозаводска еще в девятые, кто-то – сразу после школы. Не могла, потому что росла вместе с ними, вместе ходила в походы, гуляла по городу – она не могла рассказать им о ПТЗ что-то, чего они сами не знали. И тогда она стала учить карельский, и все друзья сразу приняли: это то, кто она есть. Девочка, которая любит Карелию настолько, что готова учить язык, на котором никто из них не говорит и никогда не думал, что придется говорить.

Карельский пригодился Элеоноре в работе – в газете ее всегда посылали на «этнические» задания, часто самые интересные и захватывающие. Сам язык Элеонора почти не использовала – на заданиях все изъяснялись с ней по-русски и иногда по-фински. Но в голове у редакторов вне Петрозаводска жило какое-то огромное карельское население, для которого требовался специальный журналист-переводчик.

И вот сейчас приходилось напрячь все свои знания – каждое слово могло значить что-то ценное. Элеонора уже понимала, что правильнее всего будет послать репортаж кому-то из знакомых с родным карельским, но очень хотелось вот прямо сейчас рассказать детективке все полезное, что содержалось в репортаже. Она поставила видео на замедленную скорость, дважды пересмотрела фрагмент с Селуевой. Потом еще раз и все остальное – но там журналисты просто собрали людей с жалобами на русский язык. Никто больше не говорил ничего про усыновление, приюты, не использовал странное слово, всплывшее в речи Марии, которое, если бы Элеоноре нужно было перевести его на русский язык, она бы перевела как «лесной дом» или «лесная обитель».

Глава седьмая

Валентин Соловей ответил Элеоноре, когда часы в телефоне показывали уже без десяти одиннадцать. Они с детективкой до сих пор сидели в кафе, но последний час работали совместно: Элеонора объясняла детективке, как искать и разбирать документацию благотворительных фондов. А фондов, повязанных вокруг Марии Селуевой и «Ладожья», было много, и у каждого были свои учредители, попечители и подразделения. А вот чего у них не было, так это сайтов. Фонды упоминались в списках благотворительных организаций, некоторые – очень редко – всплывали в каких-то статьях и медийных материалах. У одного была группа вконтакте, совершенно пустая и привязанная к пустым профилям. Самым удивительным было то, что даже после часа поисков не удалось расшифровать ни одного из имен, привязанных к фондам. Везде фигурировали инициалы и фамилии, но Элеоноре никак не удавалось найти нужные регистрационные документы. Детективка пыталась помогать, перебирала социальные сети и в принципе упоминания в интернете фамилий и инициалов, но ничего подходящего не находилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.